УЧЕБНЫЙ КУРС «КНИГОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ КНИГИ» КАК ФУНДАМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ

doi 10.34920/2181-8207/2023/2-060

Дмитрий Эльяшевич,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалогии и литературы Санкт-Петербургского государственного института культуры

Annotation: The current state of teaching bibliology in Russian universities is considered and its shortcomings are noted. A new definition of the object of bibliology as a science is given and its potential for changing the essence and direction of teaching this discipline is shown. In the process of studying bibliology and the history of the book, students should focus not on factography, but on the role of book communication in the development of society. The need for a new modern textbook on bibliology was identified.

Keywords: bibliology, book communication, mediaology, teaching, teaching staff, textbook

Аннотация: Рассмотрено современное состояние преподавания книговедения в вузах России и отмечены его недостатки. Дано новое определение объекта книговедения как науки и показан его потенциал для изменения сущности и направленности преподавания этой дисциплины. В процессе изучения книговедения и истории книги студенты должны основное внимание уделять не фактографии, а роли книжной коммуникации в развитии общества. Отмечена необходимость подготовки нового современного учебника по книговедению.

Ключевые слова: книговедение, книжная коммуникация, медиалогия, преподавание, педагогические кадры, учебник

Курс «Книговедение и история книги», отнесенный, согласно федеральному государственному образовательному стандарту, к базовым общепрофессиональным дисциплинам, неизменно читается на первом курсе библиотечно-информационных факультетов вузов культуры и искусства. Входит он и в программу подготовки в магистратуре; здесь, правда, речь идет не столько об истории, сколько о теории и методологии книговедения и его историографии. По замыслу разработчиков образовательных стандартов, этот курс должен формировать у студентов общие представления о сущности и истории книжной культуры в мировом масштабе. Знания, полученные в ходе его изучения, впоследствии могут применяться при овладении основами фондоведения, информационно-библиографической деятельности и др.

Возникает вопрос: в какой мере замысел составителей образовательных стандартов воплощается в реальности? Соответствует ли нынешнее состояние преподавания книговедения современным задачам подготовки будущих специалистов библиотечно-информационной сферы? Формирует ли этот курс необходимые общепрофессиональные компетенции?

Как вузовский педагог с 35-летним стажем (из которых более тридцати лет посвящены преподаванию книговедения), могу сказать, что реальность очень далека от благих пожеланий. Сегодня книговедение – по крайней мере, на уровне бакалавриата – представляет собой на 95% историческую дисциплину, при изучении которой на студента обрушивается поистине Ниагарский водопад фактов, названий, фамилий и дат, запомнить которые он при всем желании не в состоянии. Хуже того: как правило, студент не понимает, зачем ему нужна вся эта информация о делах давно минувших дней, каково может быть ее практическое применение в его будущей профессиональной деятельности. В результате изучение книговедения ба-

калаврами чаще всего превращается в механическую зубрежку, а полученные хаотичные и бессистемные знания выветриваются из их голов сразу же после сдачи экзамена.

«Такое положение вещей – проблема не книговедения, а тех преподавателей, которым поручено ведение этого курса», – скажут многие. Отчасти это правда. В большинстве вузов культуры России книговедение преподают люди, не имеющие ни одной книговедческой или историкокнижной публикации; для них данный курс – дополнительная нагрузка, не более того. Нам уже приходилось писать о проблеме книговедческих педагогических кадров и отсутствии в России на сегодняшний день системы их воспроизводства [4]. Преподавание дисциплины, которая не является твоей непосредственной специальностью и сферой научных интересов, всегда приводит к далеко не лучшим результатам. Анализ российской книговедческой периодики последнего десятилетия однозначно свидетельствует о том, что авторами статей в подавляющем числе случаев являются люди далекие от педагогической практики. С другой стороны, вузовские преподаватели книговедения, как правило, эту периодику не читают и не проявляют к ней никакого интереса.

Однако «кадровый голод» – это лишь часть проблемы, так сказать, верхушка айсберга. Под толщей воды скрыта основная его часть, которая в нашем случае представляет собой непонимание подавляющим числом преподавателей сущности книговедения – и исторического, и теоретического – как науки и его значения для всей последующей профессиональной подготовки работников библиотечно-информационной отрасли. В силу различных причин объективного и субъективного характера книговедение традиционно рассматривается как дисциплина, призванная познакомить студентов с историей развития книги как таковой, как материального предмета, вещи, практически в полном отрыве от ее общественно-исторической и культурной роли и вне ее важнейших культурообразующих функций.

Полагаем, что такой подход к книговедению драматически сужает горизонт этой дисциплины и обедняет ее педагогический потенциал. В последние годы мы неоднократно высказывались о необходимости развития так называемого «нового книговедения», которое рассматривается нами в качестве отрасли более широкого научного

направления – медиалогии [3, 5]. В таком «новом книговедении» фокус внимания переносится с материальности книги на ее общественные функции, ее роль в преобразовании информационной среды и социума в целом. На протяжении тысячелетий книга – или, что точнее, письменный или печатный текст – являлась важнейшим медиа, основным и совершенно универсальным каналом трансляции культурных смыслов, а также консервантом культуры. Поэтому задача «нового книговедения» видится в изучении книги-текста как агента или инструмента изменений общества. Это «новое книговедение», к примеру, должно изучить не только процесс возникновения алфавитного письма или детали и суть изобретения Гутенберга, но и – в первую очередь – показать, к каким поистине глобальным культурно-историческим трансформациям они привели. В конечном итоге, книговедение в нашем понимании – это наука об информационных революциях, в основе которых всегда лежали новые способы производства и трансляции устного, письменного, печатного и электронного текста.

Утверждая такое новое понимание сущности книговедения как академической науки и учебной дисциплины, мы отнюдь не изобретаем заново велосипед и совершенно не претендуем на некое откровение. Подобный подход к книговедению уже более полувека свойственен западноевропейской и североамериканской науке о книге. Его отцом-основателем является выдающийся французский историк, один из лидеров школы «Анналов» Люсьен Февр, в 1958 г. в соавторстве с А.-Ж. Мартеном выпустивший монографию «Появление книги» [8]. Именно в этом исследовании, ставшим сегодня уже классическим и многократно переизданном на основных европейских языках, впервые прозвучала мысль о необходимости изучения влияния книги и письменной культуры

Однако «кадровый голод» – это лишь часть проблемы, так сказать, верхушка айсберга. Под толщей воды скрыта основная его часть, которая в нашем случае представляет собой непонимание подавляющим числом преподавателей сущности книговедения – и исторического, и теоретического – как науки и его значения для всей последующей профессиональной подготовки работников библиотечно-информационной отрасли

в целом на общество – с одной стороны, и влияния общества на книгу, ее содержание, материальную конструкцию и коммуникативные функции – с другой. Впоследствии идеи Л. Февра получили дальнейшее развитие в работах североамериканской исследовательницы Э. Эйзенстайн (прежде всего, в ее фундаментальном двухтомном труде «Печатный станок как агент изменений», в котором рассматривается влияние изобретения книгопечатания на развитие всей европейской культуры и общественной жизни XVI – XVII вв. [9]) и других ученых. Сегодня дискурс «взаимовлияние книги и общества» является центральным и, по сути дела, единственным для многочисленных институтов и школ изучения книги и медиа в университетах Западной Европы, США и Канады.

Совершенно очевидно, что «новое книговедение» имеет и колоссальный педагогический потенциал, поскольку его грамотное преподавание позволяет превратить эту дисциплину в историю (а на уровне магистратуры – и в теорию) информатизации общества

Таким образом, предлагаемый нами новый подход к книговедению является новым лишь для отечественной науки о книге. Она, эта наука, остается на постсоветском пространстве чрезвычайно консервативной, замкнутой и продолжает жить в полном отрыве от общемирового исследовательского и педагогического опыта. Более того, те немногочисленные новые концепции, которые возникли на российской книговедческой ниве в последние десятилетия (прежде всего, пресловутая «документология») еще больше отдалили ее от общенаучного мирового мейнстрима и выкинули на далекие задворки гуманитаристики.

Одним из непременных условий успешного развития книговедения в странах бывшего СССР является, по нашему мнению, изменение представлений об его объекте. Если раньше в качестве такого объекта рассматривалась система «книга – книжное дело» или, в более приемлемом варианте, «книга – книжное дело – читатель», то ныне эта формулировка должна, вероятно, выглядеть следующим образом: коммуникационная система «автор – письмо – текст – чтение – читатель» [4]. Такое понимание объекта, отталкивающееся от общей схемы коммуникационного процесса, расширяет исследовательские возможности книговедения и, так сказать, привязывает его к родственным более общим дисциплинам – культурологии и медиалогии. Важной особенностью данной формулировки является то, что она дает возможность уйти от представлений о книговедении как о «науке о вещах» и позволяет рассматривать книжную коммуникацию в целом, на всех этапах ее функционирования. Принципиальной является в ней и появление фигуры автора (или, для отельных исторических периодов, авторской функции). Любой коммуникационный процесс, в том числе, коммуникационный процесс «книга», невозможно изучать, игнорируя отправителя сообщения. Такое изучение заведомо будет обречено на неудачу. Традиционное книговедение, книговедение «вещей», к сожалению, проблемам авторства никогда не уделяло внимания.

Совершенно очевидно, что «новое книговедение» имеет и колоссальный педагогический потенциал, поскольку его грамотное преподавание позволяет превратить эту дисциплину в историю (а на уровне магистратуры – и в теорию) информатизации общества. В ходе ее изучения студенты должны усвоить сведения о том, каким образом характер информации зависел от способа ее трансляции, как с течением времени изменялись каналы передачи информации, какие разнообразные внешние факторы влияли на такие изменения и как эти новые каналы создавали новые культурные практики, в конечном итоге видоизменявшие само общество как таковое. Преподавание книговедения в подобном ключе и вправду может стать фундаментом профессиональной подготовки будущих библиотекарей и информационных работников, так как оно закладывает общие представления о процессе информатизации общества, основных закономерностях и путях исторического развития такой информатизации. В дальнейшем многочисленные специальные дисциплины, изучаемые студентами библиотечных факультетов на старших курсах, будут развивать и конкретизировать эти базовые

представления, рассматривать конкретные процессы хранения, свертывания, передачи и анализа информации.

Конечно, было бы наивным полагать, что и изменение представлений о сущности и задачах книговедения, и перестройка характера и содержания его преподавания могут произойти в одночасье, по взмаху волшебной палочки. Не секрет, что наша гуманитаристика и, в особенности, вузовская гуманитарная среда в силу различных, в основном, субъективных причин весьма консервативны. Да и проблема кадров, о которой уже говорилось, в ближайшее время никуда не исчезнет. Поэтому в качестве первого шага на пути преобразования книговедения как учебной дисциплины должна, по нашему мнению, стать подготовка и издание нового бакалаврского (а перспективе, и магистерского) учебника. О неудовлетворительной ситуации в области учебной книговедческой литературы нам уже приходилось в прошлом довольно много писать [6, 7]. С тех пор ситуация не изменилась. Более того, несколько книговедческих учебников, выпущенных в последние годы, являются очевидным регрессом даже по сравнению с теми изданиями, которые мы рассматривали в наших статьях двух- трехлетней давности. По нашему убеждению, ни один из существующих сегодня на русском языке учебников не соответствует нашим представлениям о «новом книговедении» и его педагогическом потенциале; вероятно, лишь авторский учебник В.А. Есиповой может с большими оговорками использоваться в учебном процессе [2].

Каким мы видим новый бакалаврский книговедческий учебник? Прежде всего, он не должен являться историкокнижной энциклопедией и скучным словарем типографов и издателей. Количество фактического материала в нем следует существенно сократить. Главное же – должен измениться сам характер и концепция подачи такого материала. Необходим переход от рассмотрения книги во всех ее формах как таковой, как самодовлеющей ценности, «вещи в себе» к последовательному изложению истории бытования книги в обществе, истории взаимоотношений и взаимовлияний книги и общества, истории развития текстуализации культуры. Существенное внимание должно быть уделено в учебнике фигуре автора и авторской деятельности, их зависимости от господствующих в том или ином историческом периоде каналов передачи сообщений, а также – и это принципиально важно – истории читателя и чтения. Сейчас в Санкт-Петербурге началась работа по коренной переработке наиболее распространенного в вузовских библиотеках книговедческого учебника, у истоков которого стояли И.Е. Баренбаум и И.А. Шомракова [1]. В этой работе принимают участие, в основном, немногочисленные петербургские и отчасти московские книговеды. Очевидно, что создание такого нового учебника – задача сугубо коллективная. Искренне приглашаем всех заинтересованных исследователей на постсоветском пространстве присоединиться к ее успешному решению.

Необходим переход от рассмотрения книги во всех ее формах как таковой, как самодовлеющей ценности, «вещи в себе» к последовательному изложению истории бытования книги в обществе, истории взаимоотношений и взаимовлияний книги и общества, истории развития текстуализации культуры

Сейчас в Санкт-Петербурге началась работа по коренной переработке наиболее распространенного в вузовских библиотеках книговедческого учебника, у истоков которого стояли И.Е. Баренбаум и И.А. Шомракова

Литература

1. Документоведение. Часть 2. Книговедение и история книги: учебник. – Санкт-Петербург: Профессия, 2013. – 264 с.

2. Есипова В.А. История книги: учебник по курсу «История книжного дела». – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 628 с.

3. Эльяшевич Д.А. Книговедение: жизнь после смерти // Книга и книжное дело в XIX – XXI веке: мат-лы междунар. науч. конференции «XX Смирдинские чтения» 26–27 апреля 2018 г., Санкт-Петербург. – СПб.: СПбГИК, 2018. – С. 55–81.

4. Эльяшевич Д.А., Мутьев В.А. Магистерский учебник по книговедению: основные проблемы и перспективы подготовки // Библиосфера. – 2022. – № 3. – С. 5–16.

5. Эльяшевич Д.А., Мутьев В.А. Новое книговедение: взгляд в будущее // Библиосфера. – 2021. – № 1. – С. 43–53.

6. Эльяшевич Д.А., Мутьев В.А. Отечественные учебники по истории книги // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2020. – № 1. – С. 177-187

7. Эльяшевич Д.А., Мутьев В.А. Отечественные учебники по общему книговедению // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2019. – № 4. – С. 179–183.

8. Febvre L., Martin H.-J. L'Apparition du livre. – Paris: Éditions Albin Michel, 1958. – 600 p.

9. Eisenstein E. L. The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early Modern Europe. – Cambridge: Cambridge University Press. 1979. – 794 p.